

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Может ли быть
во благо украденное?
Достаточно ли двухсот
лет, чтобы золото,
пролежавшее в земле,
явилось на свет
помогать потомкам
тех, у кого было
отнято?..

Людмила ГОРЕЛИК

Русское сокровище Наполеона

Артефакт & Детектив

Людмила Горелик

Русское сокровище Наполеона

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горелик Л.

Русское сокровище Наполеона / Л. Горелик — «Эксмо»,
2017 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-99646-9

Великий император, покоривший половину Европы, входил в Смоленск. Пылал древний город, хмурились лики святых на стенах закопченных церквей, нерадостно катил свои воды Днепр. Совсем скоро смоленский кузнец Василий Зябрин выкует хитроумный замок – офицерам наполеоновской армии нужно где-то прятать награбленное в здешних монастырях и усадьбах. Но то, что однажды спрятано за затейливым замком, можно обнаружить и через двести лет, когда память о Наполеоне и заблудившейся Великой армии давно осела в музеях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99646-9

© Горелик Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Горелик

Русское сокровище Наполеона

© Горелик Л. Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

День был тяжелый: четыре экскурсии, все Машины. Летом в Музее Великой Отечественной войны по воскресеньям оставляли одного сотрудника плюс смотрители залов. Турфирмы своих приводили редко, а больше – кому летом на экскурсию пойти взбретет? Школьники на каникулах, взрослые на дачах. Сегодня, однако, нашлись желающие. Смотрители Маше сочувствовали.

Вообще коллектив в отделе оказался хороший, может, потому, что маленький. Старший научный сотрудник Таня, младший научный сотрудник Алла, экскурсовод Маша. Все недавно окончили один вуз, только разные факультеты, и работу не делили – так только считалось, что должности разные. Да и зарплата, кстати, не сильно отличалась. Еще был начальник Владимир Олегович, полковник в отставке, тоже, в общем, нормальный. И смотрители: Людмила Никифоровна, Анна Александровна, Роза Давыдовна и Катя.

Маша Макарова работала здесь больше года. К окончанию университета она поняла, что устроиться на постоянную работу по специальности быстро не получится. Студенты журфака начинали искать место со второго, нет, с первого курса. Кто к четвертому не нашел – надейся только на удачу. Многие шли в магистратуру, кто-то отправлялся в столицу искать счастья.

А Маше нужна была постоянная работа в Смоленске. Хорошо, Юрка в музей помог устроиться. Зарплата маленькая, но она подрабатывала, как раз журналистское образование пригодились. В местные издания иногда брали ее заметки, репортажи.

Ровно в девятнадцать поставила музей на охрану. Смотрители одновременно с последними посетителями вышли раньше. До дома идти недалеко – ее квартира в центре. Отдел Великой Отечественной войны расположен в красивом месте. Здание музея в сквере Героев как бы вмонтировано в крепостную стену, да и по архитектуре похоже. Построено до революции, из крепких кирпичей, летом здесь всегда холодно. Вот и сегодня Маша замерзла – только на улице почувствовала, что начинает согреваться, хотя солнце уже клонилось к закату. Ничего, сейчас придет, поужинают с Буонапартиком, чайку попьют. Буонапарте – так звали Машиного кота. А мама умерла два года назад.

Замок почему-то заедал. Маша проверила ключ – все правильно, той стороной. Прижать дверь покрепче, потом отпустить. Дверь неожиданно просто открылась, как ларчик, совсем без ключа. Головы, конечно, нет, но такое с ней впервые. Забыть дверь запереть – это уже слишком.

Вид квартиры обескураживал. Книги и бумаги выброшены из шкафов. Дверцы платяного шкафа тоже открыты, комод разворочен, свитера и блузки вперемежку с бельем валяются на диване, на полу. Господи, грабители побывали, хорошо, что без нее. А Бунечка где? Что они с ним сделали, гады?

– Буня, Бунечка! Буонапартик! Где ты? – дрожащим голосом стала звать Маша. Она уже почти плакала. Буонапарте вылез из-под дивана, громко мяукнул – жаловался, радовался, что Маша пришла. Уф, слава богу! Испугался, бедный. Маша прижала к себе кота и принялась звонить в полицию.

– Солнцевы, точно, больше у нас некому, – упрямо твердила Ира. – Зачем ты меня останавливаешь – потрясли бы их хорошенько, и вернули бы они как миленькие твои десять тысяч! Сразу надо было говорить, пока не все пропили.

Шел уже двенадцатый час, полицейские только что ушли. Час назад выяснилось, что пропали деньги, все, что было в доме, – десять тысяч рублей. Маша хранила их в комод, в верхнем ящике под постельным бельем. Белье лежало на полу, а деньги, конечно, исчезли. Больше не взяли ничего.

Полицейских Маша вызвала сама. Приехали довольно быстро двое. Один представительный, постарше.

– Капитан Демин, – представился он, показывая удостоверение.

Второй был младше и менее солидный. Назвался лейтенантом Демочкиным. Маша даже не удивилась странному сочетанию фамилий, не до того было. Но в удостоверения посмотрела – все правильно. Демочкин как-то больше сочувствия проявлял.

– Вот если бы, допустим, была у вас шуба норковая и ее украли, – рассуждал он, – найти было бы легче. – Хозяйка отрицательно качала головой: не было шубы. – Хотя ноутбук, и то проще было бы найти. Вещь где-нибудь да всплывет. А деньги – они ж не меченые, как их найдешь.

Маша печально кивала: ноутбук-то цел, старый уже, кому он нужен.

Ирка, соседка сверху, которая зашла на шум и так и осталась, была убеждена, что это Солнцевы. Братья Солнцевы, Андрей и Александр, проживали в соседней с Машей квартире. Они были сильно пьющие, нигде не работали, на них списывали все неприятности, которые случались в подъезде. Может, и Солнцевы, конечно, только как докажешь. Что говорить зря, если доказательств никаких?

А может, и не они. Дверь у нее самая плохая в подъезде, если не считать тех же Солнцевых, любому залезть ничего не стоит.

Ира ушла, а она продолжила собирать разбросанные вещи. Ох, икону разбили! Икона была бабушкина – Одигитрия Смоленская в недорогом, но красивом окладе. Бабушке она досталась от ее матери. Маша подняла икону. Сама доска вроде не разбита, только оклад лежит отдельно. Проверяли, наверно, не из серебра ли. Как будто не видно, что железяка обыкновенная, только выкована красиво, с узорами. Может, и правда Солнцевы?

Она еще раз внимательно осмотрела доску. Цела, слава богу. Небольшая, размером с ученическую тетрадку, но плотная. Без оклада икона производила даже более сильное впечатление. Богородица смотрела просто и строго. Уголки губ опущены, но ни страдания, ни сожаления в лице нет. Просто смотрела, держа своего необыкновенного младенца. Указывала на него рукой, обращала к нему. Ничего больше не говорила.

Маша попробовала вернуть оклад. Поворачивала по-всякому – не получалось. Неожиданно при очередном повороте доска разъехалась. Господи, да что же это такое! Только этого не хватало – бабушкину икону сломала. Но нет, ничего не сломано. Задняя часть доски чуть отодвинулась, и внутри обнаружилось полое пространство. В выемке лежал сложенный вчетверо листок.

Маша в недоумении развернула его. Пожелтел – от времени, наверное. На внутренней стороне небрежно сделанный рисунок: тонкими линиями соединялись прямоугольники, чуть пониже нарисована какая-то завитушка – украшение, что ли? Рядом с линиями пояснения мелким почерком – сокращения латинскими буквами. На каком языке, Маша не поняла, похоже на польский или чешский.

Интересно, как эта бумага оказалась в иконе. Бабушка ее туда, что ли, положила или, может, еще прабабушка? Но с какой стати латинскими буквами? Бабушка иностранные языки не знала – рассказывала, что в школе по немецкому получала одни тройки. Прабабушка – тем более, та вообще малограмотная была. Откуда же этот листок? И вообще, почему в иконе тайник? Никогда Маша ни о каком тайнике не слышала. Ни мама, ни бабушка о нем не рассказывали, скорее всего и сами не знали. Бабушка говорила, что икона старинная, давно в их семье, прабабушке тоже досталась по наследству от ее родителей. Но ни о каком тайнике не было ни слова. Маша положила листочек в сумку и легла спать.

Спать очень хотелось, голова шла кругом после тяжелого дня и ужасного вечера. Буонапарте, тоже многое сегодня переживший, запрыгнул на диван, заурчал, улегся под боком.

К Макаровым он попал четыре года назад, случайно – во дворе подобрали. Мальчишки из соседней школы обижали беспризорную кошку, и Маша с мамой стали приглядывать за ней, а потом и за котятами. Трех пристроили знакомым, а этого никто не брал – не так много у

Макаровых знакомых, чтобы раздать четверых котят. Братья и сестры разъехались кто куда, а этот красавец с белой манишкой и черным чубчиком остался один. Сидел на ветке с независимым видом, очень самоуверенный и воинственный – настоящий корсиканский разбойник. На самом-то деле, конечно, беззащитный, снова к нему те отмороженные мальчишки стали подбираться. Пришлось взять себе. Назвали Буонапарте – не столько за внешнее сходство, сколько за важность и самоуверенность.

А листок она завтра Юрке покажет, интересно, что он скажет. Это было последнее, о чем она успела подумать. Спала Маша крепко, но под утро ей приснился странный сон.

В комнате с толстыми небелеными стенами, крошечным оконцем и низкой дверью в большом открытом камине горит огонь. Рядом с его огромной бушующей пастью стоит кожаное, раздувающееся, как гармошка, гудящее сооружение. Какие-то железные инструменты развешаны на стене. И страшный мужик, обутый в лапти, – точно такие, как лежат в Историческом отделе под стеклом, – в кожаном фартуке, с повязанными ремешком волосами, бьет молотом на длинной ручке по железному высокому столу. С каждым ударом сыплются искры. Потом он бросает молот, хватает со стола огромными щипцами железную завитушку (вот по чему он бил! – ахает про себя Маша), засовывает ее в огонь, поворачивает, выхватывает и снова стучит по ней молотом. Маша пугается, а мужик поворачивается, смотрит на нее – лицо у него веселое, не злое. И кузнец неожиданно подмигивает ей.

Глава 2

Проснулась она поздно, почти в девять. На работу к половине десятого, еле успела кота покормить. Сама не ела, помчалась так. Хорошо, с этим у них не строго – попьет чайку в музее, там у нее и пачка печенья лежит, и даже кусочек сыра остался, вчера некогда было поесть. В фольгу завернут, может, и не засох. «И приснится же такая дурь! Вот к чему это? Бабушка говорила, что всякий сон к чему-то. Не иначе, опоздаю, и шеф за опоздание ругать будет. Хотя огонь изрыгать – это на него не похоже», – думала Маша по дороге.

У них в отделе обстановка была свойской, не то что в Историческом. Исторический в главном здании музея – на другой улице, недалеко. Там же и дирекция. А они, отдел Великой Отечественной войны, живут, слава богу, спокойно, подальше от большого начальства. Шеф не в счет, он почти свой. У него даже не кабинет, а закуток небольшой за дверью комнаты научных сотрудников.

Владимир Олегович, заведующий отделом ВОВ, полковник в отставке, держался от своих сотрудников обособленно, и они воспринимали это как должное – и возраст, и жизненный опыт другие. Он, конечно, относился к работе более серьезно: приходил почти всегда раньше всех, в пустой болтовне, которой нередко предавались дамы, не участвовал. Что шеф любит порядок и пунктуальность – это все в отделе знали. Но вообще он был невредным. Иногда мог вспылить, отругать, но чаще не лез в их дела, позволял быть самостоятельными. Дверь к Владимиру Олеговичу в закуток сейчас была открыта, но насчет опоздания он ни слова не сказал – сидел, углубившись в свои бумаги. Посмотрел быстро и внимательно на Машу и снова глаза в бумаги уткнул.

Аллочка с Таней пили чай. Маша тоже достала печенье из своего ящика, выложила в общее блюдо. Вчерашний кусочек сыра нашла не сразу: развернулся, фольга отдельно, из пакета выпал – пришлось выбросить. А ведь оставляла вчера в пакете. Ладно, может, документ какой-нибудь музейный понадобился, и у нее в столе кто-то искал. Это в музее случалось. Беспорядок напомнил о вчерашнем разгроме в квартире. Маша тяжело вздохнула, но тут же рассердилась на себя и ничего рассказывать не стала.

Она недолго посидела с Таней и Аллочкой и вспомнила, что ей нужно в Исторический. Все отделы Смоленского краеведческого комплекса музеев тесно общались, а Исторический отчасти курировал Музей ВОВ. Маша вообще-то числилась в Историческом экскурсоводом, но была прикреплена к Музею ВОВ. Сейчас ей понадобилось отнести отчет об экскурсиях. Заодно и к научным сотрудникам в Историческом зашла.

Юра сидел за компьютером. Больше никого в отделе не было, все куда-то разбежались. Вот и хорошо, при всех доставать листок как-то не хотелось. Об ограблении тем более рассказывать ни к чему, только поучать начнут.

Многие в музее ее жалели, считали какой-то невезучей. Ей это не нравилось, она-то как раз думала, что она достаточно стойкая – справляется сама. Юрка вот, правда, помогал пару раз, когда было совсем трудно.

Юрку она знает со студенческих лет. В то время, кстати, разговаривали редко. Кондрашов учился курсом старше и был университетской знаменитостью: и печататься начал прямо с первого курса, и красивый. Маше, во всяком случае, так казалось. Да и не только ей, девчонки с ним с удовольствием кокетничали. А Маша обыкновенная была, не очень заметная.

На младших курсах она всерьез переживала из-за своей внешности. Особенно ей не нравился рост – не то чтобы совсем маленькая, но ведь ниже среднего. На высоких каблуках ходить неудобно, Маша помучилась какое-то время, потом махнула рукой и стала покупать обувь на среднем. А так – волосы темно-русые, чаще всего собранные в хвостик, лицо без особых примет. Хорошо хоть не толстая.

На старших курсах все эти переживания ушли. Не до внешности стало: мама тяжело заболела. После смерти бабушки они жили вдвоем, папа умер, когда Маша была совсем маленькой, она и не помнила его. В последний год в университете Маша Макарова начала учиться хуже, ни на чем не могла сосредоточиться. Мама умерла как раз перед сдачей диплома.

Малознакомый старшекурсник Юра Кондрашов тогда уже окончил университет, работал в музее. Наверное, услышал о ее горе: неожиданно остановил на улице, о маме ничего не говорил, но спросил насчет диплома и даже предложил распечатать на своем принтере.

Во время маминой болезни и потом, когда нужны были деньги на похороны, ей помогал Алеша, дальний родственник. Седьмая вода на киселе, но дружили они с детства. Алеша окончил Духовную семинарию, священник – он всегда готов помочь. После маминой смерти Маша не хотела брать у него деньги, и так много ушло, а у Алеши семья. Она говорила, что ей вполне хватает стипендии и подработок. Врала, что дает в газеты репортажи без подписи.

В общем, денег на распечатку диплома не было, да и предложил Юра как-то между прочим, необидно. В самом деле, что за проблема распечатать, если есть свой принтер? Всем ясно, что это мелочь. Она поблагодарила и согласилась. В следующий раз встретились тоже случайно, почти через год. Ей пришлось сменить уже несколько работ – везде брали только на время. Юра тогда сказал, что есть место экскурсовода в отделе ВОВ – зарплата маленькая, но платят без перебоев, и все подработки можно сохранить.

Маша пошла и не пожалела. Уже почти полтора года она работает в музее, надеется и дальше так продержаться.

Юра здесь давно. Он учился сразу на двух факультетах, на журналистике и на историческом. Еще со второго курса начал ходить в музей, помогать – вначале бесплатно, просто из интереса к краеведению. Его заметил сам Ружевич, очень большой ученый. Обратил внимание на публикации Кондрашова по краеведению, настоял на том, чтобы его взяли в музей на ставку еще студентом.

Теперь Юра – старший научный сотрудник, пишет диссертацию о Смоленске времен наполеоновской оккупации. Очень увлечен, ему дай волю, только и будет говорить, что о Барклае де Толли или каком-нибудь Жомини. Все равно с ним всегда интересно, и о Барклае интересно. Но, конечно, ему некогда, да и Маша вечно в поисках подработок, так что встречаются они реже, чем ей хотелось бы. Маша старается обращаться к нему только по делу. Вот сейчас нужно показать этот листок.

Для начала пришлось рассказать об ограблении. Юра неожиданно заинтересовался. Она старалась говорить о происшествии легко, с юмором, но он воспринял все всерьез.

– Обязательно поменяй хотя бы замок, если дверь не можешь. Купи хороший, на этом не экономь. Хочешь, я помогу выбрать? Кстати, у тебя деньги остались?

– Конечно, остались! – беспечно ответила Маша. – Не беспокойся, я сама сумею выбрать.

Замок она, может, и поменяет, но позже. Денег до зарплаты осталось совсем мало, только на самые необходимые продукты. Но Юрке она не станет об этом говорить – еще жалеть начнет, этого только не хватало. Она быстро сменила тему и рассказала о тайнике в иконе. Вынула из сумочки листок.

Листок Юрку тоже заинтересовал. Вначале он долго рассматривал его через лупу, а потом пошел куда-то что-то сверять.

Оставшись одна, Маша от нечего делать стала читать текст в Юркином компьютере и неожиданно увлеклась. Это было продолжение статьи.

«Смоляне стали заложниками в этой великой битве: до самого начала сражения от них скрывали, насколько опасно оставаться здесь. «Почти все современники накануне вторжения Великой наполеоновской армии были уверены, что дальше Минска Наполеон в глубь России не пойдет, а направлением главного удара станет не Москва, а Петербург», – писал о своих

впечатлениях лета 1812 года герой Русско-турецкой войны отставной генерал-майор Матвей Максимович Ельчанинов. Летом 1812 года он с младшим девятилетним сыном Коленькой жил в своей деревне в Краснинском уезде, «при самой почти белорусской границе».

Еще 17 июля жизнь в имении текла размеренно. Ничто не предвещало беду. С утра Матвей Максимович поехал в Смоленск – окрестных помещиков пригласили прибыть в Дворянское собрание. И представить было невозможно, что через две недели город будет пылать в огне. Однако близость фронта чувствовалась: двигались конвои с пленными французами, казаки покупали оружие на специально устроенных пунктах. Такой суеты на этих улицах Ельчанинову видеть еще не доводилось.

В Дворянском собрании тоже, конечно, говорили о войне – велели помещикам отправить для войск сухари, хлеб, крупы, сало. К этому времени смоляне поставляли провиант для армии уже в больших количествах.

Продукты Ельчанинов отправил 21 июля. Дальше началось непонятное. 22 июля Матвей Максимович, следуя все тем же полученным в Смоленске распоряжениям, послал в Красный для участия в народном ополчении небольшой отряд крестьян. Однако на следующий день они возвратились: в Красном не к кому было обратиться – учреждения не работают, а жители поспешно разъезжаются кто куда. Матвей Максимович стал задумываться о собственной безопасности. Успокаивало, что в Красном стояли наши дивизии.

2 августа он послал человека в Красный отвезти письма и узнать новости. Посланный вернулся с известием, что жители все выехали.

Мы знаем теперь, что в этот день начиналось героическое сражение под Красным. Когда разъезды донесли стоявшему там с шестью тысячами войск Неверовскому о появлении «огромных сил неприятельских» – на Красный шла пятнадцатитысячная кавалерия Мюрата! – он отступил и расположил свою дивизию за оврагом, спрятав от превосходящих по численности французских войск. Бой основные силы дивизии открыли неожиданно для французов. Несомненный военный талант Неверовского позволил задержать наступление и предоставил время для соединения в Смоленске армий Барклая де Толли и Багратиона.

Услышав нерадостные вести, Ельчанинов понял, что необходимо срочно покинуть имение. На следующий день (3 августа, когда уже шли бои под Красным) в шесть часов утра он с сыном, сопровождаемый восемью крестьянами, «простился со своей спокойной кельей» и выехал из имения. Кортёж состоял из повозки, подводы с провиантом и четырнадцати лошадей. Уже в пути от встречных людей генерал узнал, что по Киевской дороге, на которую он выезжал, движутся наполеоновские войска. Он повернул в сторону.

По существу, повозки Ельчанинова оказались в тылу французских войск. Опасность грозила отовсюду. Генерал не знал, насколько близко французы и с какой стороны могут подойти, по какой дороге они движутся. Никто не знал, откуда ждать неприятеля. Ельчаниновым встречались другие помещики, тоже спасающиеся бегством. Какое-то время они двигались вместе.

Представим себе кавалькаду, составленную из двух-трех таких обозов: при каждом помещике человек восемь крестьян, каждого сопровождают по две подводы и более десятка лошадей. Бывало и такое, что окрестные крестьяне принимали этот огромный кортеж за французские части. Кроме неприятельских войск, опасность могла исходить и от мародеров, иногда из своих же мужиков.

Как и многие, Ельчанинов метался, спасаясь от вражеского нашествия, по тем же дорогам, по которым уже двигалась громадная французская армия. При немолодом отставном генерале (ему было 56 лет – по тем временам возраст солидный) находился девятилетний ребенок. Проявлять героизм было неуместно.

Спасти их удалось чудом, как считал сам генерал. Уже добравшись 5 августа до относительно безопасного Дорогобужа, Матвей Максимович описывает сумятицу, там

царящую: множество беженцев, встречи, разговоры, измученные опасным путешествием люди, тревога за Смоленск, откуда второй день полыхают зарницы и доносится гром пушек».

Она дочитывала, когда Юра вернулся.

– Извини, что долго. А, мою статью читаешь? Это по воспоминаниям Ельчанинова, помнишь, я рассказывал, что в архиве нашел записки. Как тебе?

Маша сдержанно кивнула:

– По-моему, интересно.

Ей нравилось все, что он делал. Правда, по большей части она старалась это скрывать даже от себя: Мария Макарова была особой самостоятельной и не хотела зависеть ни от чьего мнения.

– Ты не поверишь, – он сменил тему, – твой документ тоже оказался примерно из того времени. Судя по ряду признаков, его можно датировать началом XIX века. Я даже у Ружевича проконсультировался – уж он-то знает.

Виктор Николаевич Ружевич был заместителем директора по научной работе. Знания его были обширны. Юра его очень уважал и часто о нем рассказывал.

– Ты и об ограблении ему сказал? И об иконе тоже?

Она покраснела. Почему-то не хотелось рассказывать всем о бабушкиной иконе и тем более смешить народ нелепым ограблением. Конечно, все станут смеяться – нашли к кому залезать! Что у Машки брать-то? Надо же, все у нее не так, умеет вляпываться. Не Макарова, а тридцать три несчастья!

– Нет, об этом не стал говорить. Зачем такие подробности? Для атрибуции документа они все равно ничего не дают. Я сказал, что ты в старых бумагах нашла. Начала разбирать бумаги после смерти матери и нашла. Понимаешь, это, скорее всего, план какой-то местности. Ружевич, правда, говорит, что не факт, а мне кажется, похоже.

Вот все-таки Юрка молодец – не каждый так тонко поймет все нюансы и будет думать о чужих интересах. Вслух она пошутила:

– Может, это французский шпион рисовал план наших войск в 1812 году?

Но он ответил серьезно:

– Может быть и это. Хотя совсем не обязательно француз, в Великой армии было много иностранцев, особенно поляков, а эти сокращения вроде похожи на польские. Или не шпион, а просто какой-нибудь офицер отметил что-то для себя, чтобы не забыть. А ты уже на наполеоновский клад губу раскатала? – Он сменил серьезный тон на шутливый.

Наполеоновский клад был в музее предметом вечных насмешек. Время от времени в местных газетах появлялась очередная «сенсация»: якобы уходя из непокоренной России, изнемогающие наполеоновские солдаты утопили в одном из смоленских озер несметные богатства, которые везли из Москвы. Такие серьезные ученые, как Ружевич или тот же Юрка, при разговорах о кладе посмеивались. Маша обиделась:

– Клад мне бы сейчас очень пригодился.

– Кстати, насчет клада, – улыбнулся Юрка. – Я в «Пути» гонорар за статью получил, это, знаешь ли, надежнее клада. Скоро обед – пойдем в пирожковую? Приглашаю!

– Пойдем. Только твой гонорар пусть будет ни при чем, я сама за себя плачу.

Денег оставалось совсем мало, но все равно что-то есть придется, время обеденное. И в пирожковой не так уж дорого. И очень хочется еще с Юркой поболтать.

Листок с непонятным рисунком зарегистрировали и оставили в хранилище, так распорядился Виктор Николаевич.

– Пусть это не очень важный, но все же старинный документ, он вполне достоин храниться в музее, – веско, как всегда, сказал уважаемый ученый.

И возражать ему экскурсовод Макарова, конечно, не осмелилась. Ружевичу никто не возражал, включая директора.

Из пирожковой вышли в третьем часу. Маша сразу пошла в свой отдел. Солнце всюду припекало. Она шла через Блонье¹, стараясь держаться в тени деревьев. Тень была дырчатая и короткая – середина дня, но все-таки почти весь путь удалось пройти в какой-никакой тени. От Блонья до сквера Героев – два шага. Настроение после болтовни с Юркой было хорошим.

---

¹ Блонье – сад в центре Смоленска.

Глава 3

Сквер Героев с одной стороны огорожен крепостной стеной, как бы прилеплен к ней. Всем ясно, что стена в основе сквера, он тянется вдоль нее.

Крепостная стена – гордость и слава Смоленска. Ее строили на рубеже XVI – XVII веков как западный щит России. Город много раз разрушался, отстраивался и перестраивался, поэтому и стена как бы подточена разными эпохальными событиями. Увы, целиком она не сохранилась, только отдельные фрагменты.

Один, не самый знаменитый, без башен, огораживает сквер Героев. На малом пространстве сконцентрировались памятники двух войн, прошедших по городу с перерывом всего в столетие с небольшим, – Отечественной войны 1812 года и Второй мировой. Могилы героев вдоль стены, Вечный огонь и музей, где Маша работает, – это Вторая мировая. А памятник с орлами, бюсты полководцев и малозаметная мемориальная доска на месте казни Павла Энгельгардта – это Отечественная 1812-го.

Она быстро шла по выложенной плиткой дорожке вдоль стены – к музею и к памятнику с орлами, он как раз напротив музея. От здания на аллею легла большая тень – как хорошо! Люди в тени слушали экскурсовода. Маша тоже остановилась полюбоваться, это был ее любимый памятник.

В июле 1812 года главные силы русской армии рассредоточились по обширной западной границе. Армия Барклая то входила в город-крепость Смоленск, то покидала его. За две недели до Смоленского сражения Барклай писал губернатору: «Городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности и не вероятно, чтобы он был ею угрожаем был. Я с одной, а князь Багратион с другой стороны, идем на соединение перед Смоленском, которое совершится 22-го числа (июля), и обе армии совокупными силами станут оборонять соотечественников своих вверенной вам губернии, пока усилия их удалят от них врагов Отечества. Вы видите из сего, что вы имеете совершенное право успокоить жителей, ибо кто защищает двумя столь храбрыми армиями, тот может быть уверен в победе их».

Однако 26 июля обе армии, обманутые маневром Наполеона, снова оставили город, а соединиться в Смоленске сумели, и то благодаря случайности, только 4 августа.

В течение 1 августа Наполеон, непревзойденный дотоле полководец, баловень судьбы, не знающий поражений счастливчик, сделал обманный маневр – из тех, что всегда так хорошо ему удавались: повел войска на Москву якобы через Дорогобуж, в обход Смоленска. Расчет был на то, чтобы не дать соединиться русским армиям Багратиона и Барклая де Толли и разбить их поодиночке на подступах к городу-крепости. А город, оставленный русскими практически без защиты, взять легко. Известно было, что Багратион и Барклай не ладили между собой, и это упрощало дело. Пылкий Багратион, дотоле маневрировавший вокруг Смоленска, поддался на провокацию и направился на Дорогобуж. На самом же деле основные силы Великой армии двинулись в сторону Смоленска.

Счастье, однако, на этот раз Наполеону изменило. Странный, глупейший, вообще говоря, случай не позволил осуществиться хитрому маневру завоевателя Европы. В ночь на 3 августа корпус Раевского получил приказ спешно выйти из Смоленска, чтобы присоединиться к Багратиону в Дорогобуже. Однако выступление задержали на три часа из-за того, что начальник одной из дивизий накануне праздновал день рождения и сильно напился. Это нелепое опоздание позволило адъютанту Неверовского встретить при выходе из Смоленска корпус Раевского и сообщить о боях под Красным. Хитрый маневр Наполеона открылся: главные силы Великой армии шли не на Дорогобуж, а к Смоленску – через Красный. Неверовский в ожесточенном сопротивлении задержал их почти на сутки.

Глубокой ночью, при факелах, Раевский развернул свой корпус на Смоленск, а восемь батальонов во главе с Паскевичем выслал на помощь отходящим с боями войскам Неверовского. Он послал сообщение о новых обстоятельствах Багратиону, тотчас же повернувшему свою армию в сторону Смоленска. Стремительно развернулся на Смоленск и Барклай де Толли.

Благодаря сообщению так счастливо опоздавшего (не иначе, Бог привел!) Раевского, армии Багратиона и Барклая де Толли смогли соединиться в Смоленске днем 4 августа. У победителя Европы не вышло разгромить их поодиночке.

Великая армия приблизилась к городу утром 4 августа и остановилась на дальних подступах к нему. Основные русские войска еще не подошли. В городе находились уже измотанная дивизия гениального Неверовского и корпус храбреца Раевского. Это были блестящие войска, но в сравнении с французами их было очень мало.

Город сжался, напрягся: ниже стали деревянные домишки, тусклее позолота на куполах церквей, жестче оцетинились зубцы на крепостной стене. В печали был город и в смятении. Этот город на западном рубеже России, преимущественно деревянный, одно-двухэтажный, но с возвышающимися куполами нарядных церквей, с красивыми каменными зданиями в центре, опоясанный все еще мощной, хотя и потрепанной изрядно битвами и временем стеной – с полуразрушенными оборонительными валами, с давно выломанными въездными воротами, город, в котором проживало пятнадцать тысяч жителей, в первые дни августа 1812 года как бы присел, сжался от ожидания и страха. Жители стали собираться в дорогу. Уехать до начала сражения, однако, удалось далеко не всем.

На рассвете 4 августа, бросив все городские документы и архивы, бежал в Тверь губернатор барон Аш. Почти одновременно с губернатором уехал архиепископ Ириней. Он увозил с собой чудотворную икону Одигитрии. Примеру губернатора последовали другие чиновники.

Воры тоже находили способ уехать. У иерея Одигитриевской церкви Никифора Мурзакевича в первые дни августа украли лошадь. Жена его умерла в нынешнем марте, и после этого отец Никифор вроде как был не в себе: двадцать лет прожили душа в душу, он не мог представить себя без нее... А когда грянула новая беда, очнулся: о детях думать надо. Только собрался увезти подальше от опасности своих семерых детей, глядь, а лошади уже нет. Что ж, на все воля Божья, при церкви, значит, останется, приглядывать-то надо.

И кузнец Василий Зябрин не уехал. У него лошади вовсе не было, на чем ехать? Пешком бежать с тремя малыми дитями и с матерью обезножившей – нет, не убежать, куды там! Он в эти дни почти из кузни не выходил – оружие ковал казакам.

Кладбищенский сторож Ванька Зотов тоже не уехал. Чего ехать в неизвестность, скитаться по чужим людям. Здесь домишко свой, уж чему быть, тому не миновать. Авось, даст бог, и живы останемся! Тем боле место тихое, спокойное – кладбище, церква рядом...

Да что говорить, большинство жителей не смогло покинуть город до начала сражения. Помимо бедности многих, виной тому был отданный ранее приказ Барклая не выпускать людей с имуществом через въездные ворота во избежание паники. А имущество бросить, без всего идти с малыми детьми и стариками в неизвестность – как же это? Нищими скитаться по просторам Отечества, подаяния просить? Большинство горожан, мятущихся, растерянных, застряли в осажденном, ожидающем битвы Смоленске.

Утром 4 августа части Великой наполеоновской армии подошли к городу и расположились в предместье на правом берегу Днепра, перед крепостной стеной. В девять часов уже и сам Наполеон разъезжал на белом коне по рядам своей армии, обложившей крепость с трех сторон. Русские стрелки бросали камни со стены во французов, пытавшихся перейти через ров. Началась стрельба.

В это утро священника Никифора Мурзакевича призвали причащать раненых. Он пришел к Королевскому бастиону вместе со старшим сыном Костей, который носил святую воду. Все утро оборону на бастионе, где шли жестокие бои, держал корпус генерала Раевского.

Днем подоспела армия Багратиона и расположилась поодаль, у крепостной стены. Ночью обескровленный корпус Раевского подкрепила и отчасти сменила дивизия Дохтурова. Бойцы Раевского и Дохтурова стояли насмерть. В этот же первый день сражения к Смоленску подоспела армия Барклая. Армии все же соединились, планам Наполеона разбить их поодиночке, к счастью, не суждено было осуществиться.

Находились они, однако, на правом берегу Днепра, вне города. Багратион и Барклай спорили: Багратион хотел дать под Смоленском генеральное сражение, Барклай стремился сбегать армию для Москвы.

К ночи поутихло. Военные убеждали застрявших в городе жителей, что «такого крепкого места ни за что не отдадут», и искали съестные припасы в оставленных хозяевами домах.

В три часа утра 5 августа вновь громыхнули пушки. Вспыхнули деревянные домики на окраинах. Громыхало и горело весь день. Отец Никифор, отслужив литургию, пошел снова причащать раненых. Вернувшись домой, по его словам, «нашел домашних в смертном страхе»: пули и ядра пробивали стены дома. Повел детей вместе с престарелыми матерью и теткой в расположенную рядом Одигитриевскую церковь, молился там, пока бомба не влетела в церковное окно. После этого с детьми и другими домочадцами перешел в Успенский собор – он крепкий. Там же спрятались и другие прихожане – молились. Город уже весь горел.

Бой продолжался до ночи, семнадцать часов. «В четыре часа начинается жаркая пальба по предместьям. В пять часов мы отталкиваем неприятеля, идем в итшки, добираемся до прикрытого пути. Тогда битва делается ужасною», – так описывал этот день капитан Франсуа, офицер наполеоновской армии.

Рассудительному Барклаю, поставившему целью сохранить армию, пришлось уговаривать солдат покинуть поле боя. Русские армии ушли на рассвете 6 августа, но они не были уничтожены, как рассчитывал Наполеон. За собой они оставили пепелище с горами трупов.

Мирные жители, кто оставался в городе и уцелел после бомбежек и пожаров, последовали за покидающей Смоленск армией. Перед тем, как отступать и зажечь мосты, к собору прискакал казак. Предупредил, что русские войска покидают город, и предложил горожанам, прячущимся в соборе, если они этого желают, выйти из Смоленска.

Вот описание исхода, сделанное генералом Жиркевичем: «Толпы несчастных смолян, рассыпавшихся по полю без крова, приюта, понемногу собирались сзади, около нас, чтобы продолжать далее свое тяжелое странствование. Крики детей, рыдания раздирали нашу душу». Еще более эмоционально выразился Федор Глинка: «Теперь Смоленск есть огромная гряда пепла. Мы живем в дни ужаса. Прощай! Может быть, в этом мире уже навсегда!»

Город остался один – без защиты и почти без жителей. Разгромленный и по большей части сожженный, он слышал теперь только стоны раненых, которые лежали на улицах. Но испытания не закончились. Ночью начались взрывы – горели пороховые склады. Раненые гибли страшной смертью в огне, пылали оставшиеся дома. Уцелело несколько домов, церкви, крепостная стена. И от силы тысячи мирных граждан – тех, кто выжил под пулями и ядрами и не сгорел в эти ужасающие два дня.

В бреши крепостной стены, в проломленные ворота входила изрядно потрепанная Великая армия. «В особенно мрачном и ужасном виде предстала пред нами внутренность этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видали таких картин; мы ими глубоко потрясены», – так вспоминал впоследствии офицер Великой армии Ложье. «Дворцы еще догорали и представляли собою только стены, потрескавшиеся от пламени; под их обломками виднелись почерневшие от дыма скелеты сгоревших жителей», – вторил ему Лабом.

Наполеон лично следил за восстановлением моста через Днепр. Был он непривычно хмур. Мрачная дума впервые с начала наступления появилась на его челе. В тот день он написал

Мариш-Луизе: «Мой друг! Я в Смоленске с сегодняшнего утра. Я взял этот город у русских, перебив у них три тысячи человек и причинив урон ранеными в три раза больше. Мое здоровье хорошо, жара стоит чрезвычайная. Мои дела идут хорошо».

Экскурсия ушла, а Маша еще постояла. Два каменных орла махали огромными крылами у всклокоченного гнезда на скале. Мускулистый рыцарь в доспехах уже протянул к гнезду свой меч.

Глава 4

В среду Маша пришла на работу непривычно рано. Экскурсия у нее была запланирована только одна, во второй половине дня. Шеф уже сидел в своем закутке за компьютером.

Вскоре подошли и девочки. Маша, Аллочка и Таня, приходя на работу, первым делом ставили чайник. Пили чай, иногда, если был, кофе. Владимир Олегович им не мешал, даже прикрыл свою дверь.

В отделе ВОВ научной работой занимался в основном начальник. Всех это устраивало, и Владимира Олеговича тоже. Отставной полковник, он с удовольствием изучал военные документы, писал статьи с анализом хода сражений. Девушки тоже изучали военные документы и готовили лекции, но не так увлеченно, как шеф.

В свободное время они любили поговорить о постороннем. Сейчас Таня рассказывала о сыне, какой он смешной, Аллочка что-то говорила о дочке. Таниному Вовке было уже шесть, Аллочкиной Лизе – три. Обе иногда приводили детей на работу, Маша и Вовку, и Лизу хорошо знала.

С мужьями у обеих мам ладилось не очень. Таня вообще третий год в разводе, жила с родителями. Вокруг нее постоянно крутились какие-то ухажеры, но, судя по рассказам, никто ей не нравился. Алла вечно ругалась со своим Генкой. Он у нее художник, творческий человек, далекий от быта, на этой почве и происходили ссоры. Маша сочувственно слушала рассказы о детских проделках, болезнях, о семейных неурядицах Аллочки, об очередном кавалере Тани и, пожалуй, завидовала. Что-то в ее жизни не складывается. Двадцать четвертый год пошел, а совсем одна. И поделиться нечем, не о Бунике же рассказывать. Хотя у него тоже бывают смешные проделки. Маша вздохнула и отправилась мыть чашки.

На входе в первый зал стоял столик Анны Александровны – она не только присматривала за своей частью экспозиции, но и продавала билеты. Посетителей было мало. Сейчас в пустом зале у столика перебирал буклеты какой-то иностранец. Маша прошла мимо с чашками. Когда шла назад (три мокрые чашки осторожно держала на отлете, чтобы платье не намочить), иностранец все еще топтался возле столика.

Неожиданно Анна Александровна окликнула ее:

– Машенька, тебя спрашивают. – И обернулась к иностранцу: – Вот это как раз она и есть.

Маша вежливо улыбнулась. Мужчина лет пятидесяти, с сединой в темно-русых волосах. Джинсы, в руках небольшой кейс, на шее какой-то легкий шарфик – в Смоленске так не носят.

Иностранцы в музее бывали часто: расположение удачное, и тема, конечно, говорит сама за себя. Что-то, наверное, хочет спросить по экспозиции, может, о его родственниках здесь есть материалы. С такими вопросами нередко обращались. Она вручила чашки Анне Александровне (та быстро отнесла их в комнату научных сотрудников) и подошла к гостю.

– Вы Мария Макарова?

– Да. Мария Макарова, экскурсовод.

– Меня зовут Якуб Заславский, я поляк. Приехал в Смоленск, чтоб найти родственников. Вам ни о чем не говорит моя фамилия?

Как хорошо русский знает, акцент совсем небольшой. Да, ему лет пятьдесят, это поколение еще изучало русский в школе. Она продолжала соображать: материалы, скорее всего, в четвертом зале – там об освобождении Польши. Заславских, конечно, она не помнит, но безымянных фотографий много, может, он кого и узнает.

Маша пригласила гостя пройти в четвертый зал.

– Там у нас материалы об освобождении Польши. Если что-то есть о ваших родственниках, скорее всего, это именно там.

Гость, однако, не двинулся с места.

– И Кушинских вы не знаете?

Здесь уже и Маша застыла.

– Это девичья фамилия моей бабушки!

Владимир Олегович, который выходил в этот момент из комнаты научных сотрудников, даже остановился, так громко она вскрикнула.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовался он. И обратился к поляку: – Вам нужна моя помощь?

Маша покраснела: она уже хорошо изучила фонды отдела, но Владимир Олегович, конечно, знает все лучше.

– Нет-нет, – улыбнулся гость, – меня вполне устраивают пояснения Марии.

Ах, как жаль, что бабушки уже давно нет! Маша привела Заславского в конференц-зал. Этот маленький зальчик на первом этаже сотрудники использовали, когда нужно было поговорить наедине.

Якуб уверял, что они с Машей родственники! По профессии он программист, все изучил и проверил по документам – главным образом по тем, что есть в оцифрованных архивах. Просто хотел восстановить историю рода.

Был когда-то такой польский род Заславских-Кушинских, довольно знатный. В XVI веке одна часть, Кушинские, обосновалась в Смоленске – город в ту пору находился под польским владычеством, а другая, Заславские, осталась в Варшаве. И вот будто бы Якуб выяснил, что некий Кушинский жил в Смоленске еще в XX веке. Маше он доводился прадедом.

– Да, все сходится, Антон Кушинский – мой прадед...

Маша задумалась. О прадеде она знала довольно много: бабушка рассказывала. Бабушке было четырнадцать лет, когда ее родители развелись. Она очень любила отца и сильно переживала из-за его ухода. А еще через три года его арестовали и почти сразу расстреляли. Бабушка даже на Машиной памяти сразу начинала плакать, как только речь заходила о ее отце, хоть и годы прошли и старенькая совсем была.

Как об этом расскажешь чужому человеку, пусть и родственнику? Вряд ли поймет. И ведь расстреляли просто за фамилию. А в 1954-м реабилитировали. О прадеде даже небольшая заметка есть в книге «По праву памяти», Катынский музей жертв политических репрессий издавал. Только как это ему объяснишь?

Но Якуб оказался куда понятливее, чем она считала.

– Я знаю, что он был репрессирован, – неожиданно сказал он. – Это очень печальные события. Думаю, вряд ли Антон мог быть похоронен в семейном склепе.

Маша удивилась: в каком еще склепе?

– Да, конечно, – сказала она вежливо, не уточняя.

Якуб вздохнул:

– Я бы хотел все же посетить склеп, вспомнить предков...

– Конечно! – заторопилась Маша. – Склеп, если и был, не сохранился. Если честно, я не слышала о семейном склепе. В войну Смоленск почти весь сгорел, какой уж тут склеп. Но мы можем съездить на могилу прабабушки. И в Катынь² можно, прадед, скорее всего, похоронен в Катыни, там тогда хоронили расстрелянных – в общей могиле. Там и музей есть.

Потом она рассказала о своем троюродном брате Алеше Евлампиеве, еще одном живом потомке Антона Кушинского. Алексей приходился ей вообще-то не братом, а троюродным дядей, хотя был всего на пять лет старше. Такой парадокс.

---

² Катынь – деревня в Смоленской обл., место массового убийства польских офицеров весной 1940 г. В Катыни похоронены и советские граждане – жертвы сталинского террора.

После развода с прабабушкой Антон Кушинский снова женился. В 1937-м, незадолго до ареста, у него родилась еще одна дочка. Алеша был потомком Кушинского по той, второй линии. История отношений двух семей была не совсем обычной. Маше она нравилась.

После развода семьи не общались. Женщины ревновали Антона и старались больше уколоть друг друга. Прабабушка называла вторую жену некрасивой, даже уродливой. А та, учительница, считала прабабушку необразованной деревенщиной, попросту дурой. После ареста деда взаимные обвинения прекратились, но дружить они, конечно, не дружили.

А потом грянула война. Прабабушка к тому времени тоже осталась одна. Ее второй муж, кавалерийский офицер, умер в апреле 1941-го от быстро прогрессирующего туберкулеза (простудился на учениях). Дальше случилось так, что в эвакуации обе семьи Антона Кушинского попали в один небольшой город на Урале и там оказались практически соседями, да еще работали обе жены на одном заводе. Обоим приходилось настолько тяжело, что мало-помалу они стали помогать друг другу. Может, каждая при виде другой вспоминала Антона? Обе его любили, иногда говорили о нем, уже беззлобно – как-то ему сейчас там, в лагере? А может, воюет? Они и не догадывались, что «десять лет без права переписки» означает расстрел.

В общем, не было бы счастья, да несчастье помогло: две семьи Антона Кушинского не только помирились, но и подружились. Разница у бабушки и ее единокровной сестры была семнадцать лет, поэтому дружила младшая дочь Антона больше с племянницей, Машиной мамой. Вот и у Маши с Алешей так повелось.

Якуб об Алеше тоже знал, все из тех же документов, по которым он изучил родословную смоленских Кушинских. Фамилию прадеда ни одна ветвь не сохранила, в обеих семьях у него были дочери, но Якуб все равно их нашел. Договорились, что Маша соберет родственников вместе и познакомит.

Глава 5

В обед случилось радостное событие: на карточки сотрудников пришла зарплата. Это было очень кстати. Маша с Аллочкой, воодушевившись получением денег (хоть каких), в обеденный перерыв решили сбегать на рынок. От музея не так далеко, главное, все время под горку, Смоленск ведь на холмах стоит. Сейчас им от центра вниз, к Заднепровью.

Только подошли к библиотеке – открылся собор. Он вообще почти отовсюду виден в пределах крепостной стены. На горе, пятиглавый, с золотыми куполами... С одной стороны к нему ведет винтовая дорожка, огороженная стеной, с другой – широкая лестница. Внизу, прямо на дороге, – памятник Кутузову во весь рост.

Почему прямо на дороге – понятно: рядом Днепровские ворота. Через них французы входили в город, через них и уходили.

«Наконец наступила ночь, и, вместо того чтобы хоть немного успокоить нервы от всех пережитых сцен, она усилила весь ужас дня, и вид горящего города, от которого скоро останутся только груды пепла, был в темноте ночи еще ужаснее», – писал позднее инспектор главного штаба Великой армии барон Деннье.

Утром 6 августа город догорал. Сохранились немногие здания. Наполеон расположился в доме губернатора на Блонье. Его гвардия отдыхала рядом, в березовой аллее, подстелив не вывезенные архивные бумаги и укрывшись от солнца губернскими картами.

Маршал Мюрат остановился в архиерейском доме. Слуги его тотчас взломали двери расположенной рядом Предтеченской церкви и стали грабить ризницу. Узнав об этом, отец Никифор с прихожанами побежали к церкви, стали отнимать архиерейские облачения. Пришлось обратиться лично к Мюрату и добиться от него защиты церковного имущества. В его собственном доме разместился французский генерал, так что многочисленное семейство Мурзакевича оставалось жить в соборе.

В эти первые дни Великая армия была занята не только грабежами. Хоронили мертвых, зарывали трупы лошадей, свозили в одно место раненых. Быстро восстановили один мост (из трех) через Днепр. Мост был необходим для дальнейшего наступления. Император лично руководил его возведением.

Уже на второй день после явления французов, отслужив в соборе литургию, отец Никифор набрал воды в кувшин с крышкой, поставил его в торбу; отдельно приготовил просфоры и святую воду для причащения. Часть дал нести Косте с Ваней – старшим сыновьям. Набрал яблок, овощей, какие были. Посмотрел, сколько сухарей в коробе – мать по его просьбе открыла короб – мало! Положил, однако, в торбу два сухаря. Мать тяжело вздохнула, но слова не сказала, покивала даже согласно.

Священник со старшими сыновьями, помощниками, отправился за Молоховские ворота, на кирпичный завод, где лежали русские раненые. Тех, кто помер ночью, отнесли подальше в овраг, землей забросали. Тех, кто был совсем плох, отец Никифор причастил. Другим дали попить, да по яблоку, да овощей, да по кусочку маленькому сухаря.

Так и ходили до Успеньева дня. Тяжело было на душе, но страшная пустота, которая после смерти матушки отпускала разве во время молитвы, сейчас рассосалась, ушла. Горе и надежда были теперь в душе отца Никифора, но не пустота.

Пожары в городе продолжались, продолжались и грабежи. Питались в основном яблоками. Яблоки, слава богу, уродились, а хлеба почти не было.

12 августа Наполеон и его гвардия выехали из Смоленска. Великая армия отправлялась в поход на Москву.

Глава 6

После обеда Маша пошла в Исторический: нужно было подписать кое-какие бумаги. Заглянула, конечно, по пути к научным сотрудникам, но Юрки на месте не оказалось.

– Он в архив пошел, – улыбнулась ей Татьяна Михайловна, приятная женщина лет пятидесяти. Юрка говорит, что она хорошо знает фонды и человек отличный. В Юркином отделе вообще все сотрудники старше и серьезнее, чем в Машинном.

В коридоре она встретила Ружевица. Он поклонился учтиво, почти в пояс: «Здравствуйте!» Такая у него была старинная манера кланяться – очень интеллигентно выглядело. Маша тоже учтиво поклонилась, почти как он. «Чуть-чуть не дотянула», – подумала со смешком про себя. Как-то так вел себя Ружевиц, что было приятно ему подражать.

Неожиданно он остановился и обратился к ней:

– Мария Владимировна, хочу с вами поговорить. Можете уделить мне минут пятнадцать?

Маша ошарашенно кивнула:

– Конечно, Виктор Николаевич.

Говорить с самим Ружевицем ей еще никогда не случалось. Да и Марией Владимировной ее редко называли.

Они прошли в кабинет замдиректора по науке. Маша попала сюда впервые. Здесь все свидетельствовало о большой учености автора: книги по истории в трех шкафах, стопка отсканированных старинных документов на столе возле компьютера, на высокой тумбочке в углу – бюстик Наполеона. Перед книгами в книжном шкафу несколько фотографий – Виктор Николаевич с разными людьми. Маша узнала на одной писателя Фазиля Искандера – стоят с Ружевицем возле книжных полок, улыбаются друг другу. На другой – Виктор Николаевич с журналистом Дмитрием Быковым. Значит, Ружевиц с ними дружит. Что ж, это неудивительно: для небольшого Смоленска он фигура редкая, им повезло, что он здесь живет.

– Присядьте, Мария Владимировна. – Ружевиц пододвинул ей стул. Сам он удобно уселся в свое рабочее кресло. – Вы уже год у нас, должны освоиться. Нравится вам музейная работа?

Маша отвечала, Ружевиц спрашивал. Разговор выходил совсем не страшный и даже увлекательный.

Говорили о музейных делах.

– Мы, музейные работники, должны постоянно расширять фонды.

В голосе Виктора Николаевича звучала такая искренняя заинтересованность, что Маша тоже всерьез задумалась о расширении фондов и даже захотела успокоить Ружевица на этот счет.

– Вы не переживайте, Виктор Николаевич, – она подалась вперед, – мы расширяем постоянно. К нам в отдел Великой Отечественной войны много приносят и документов, и вещей той поры, да и сами ездим собираем. Таня недавно в Ельню ездила, очень интересные экспонаты привезла. Например, каску бойца со следом гранаты, изнутри метка нацарапана. Владимир Олегович может подробно об этой каске рассказать – он ее сейчас как раз изучает. Скорее всего, выставим в экспозицию – там, где о дивизии Флерова, во втором зале.

– Да-да, – быстро согласился он, – ваш отдел как раз в этом плане успешно работает. Вот с более ранними документами и экспонатами, пожалуй, несколько хуже обстоят дела. Но и здесь вы внесли свою лепту – передали листочек XIX века. – Маша порадовалась, что сдала листочек с непонятным рисунком в музей – до того он хорошо, ободряюще улыбнулся. – Видите, даже дома у музейных работников могут заваляться старинные документы. Кстати, у вас больше ничего нет? Это ведь, кажется, в бабушкиных бумагах вы нашли листочек? Может быть, и вещи сохранились той эпохи? Какие-нибудь украшения или мелкие поделки для интерьера: подставочки, пепельницы, рамочки, ключики, просто красивая ковка. Имейте в виду, все это

музей может приобрести. Даже небольшие вещицы XIX века – из простых металлов, не имеющие большой рыночной ценности – музейную ценность представляют.

Маша задумалась. Да нет, какие там у бабушки украшения, откуда? Наследства тоже не было: у прабабушки не осталось ничего после войны, тем более ничего старинного. Подставочек и пепельниц вообще в доме не бывало. Помнится, если кто-то из гостей начинал курить, бабушка ставила на стол блюдо вместо пепельницы. Были у бабушки две-три простенькие брошки, одна из них с янтарем, а больше ничего. Но брошечки уже после войны куплены, ширпотреб, штамповка. И от мамы остались только современные недорогие бусы, колечки серебряные – они у Маши в пластмассовой коробочке лежат, просто как память. Они вообще 1980-х годов, какая там старина! Грабители и те не взяли.

– Нет, Виктор Николаевич, вряд ли. Прабабушка в войну в эвакуацию уезжала, ничего из довоенных вещей не сохранилось. Кроме иконы, она ее с собой возила. – Маша улыбнулась с сожалением.

– Икону мы у вас, конечно, отбирать не будем, – кивнул ободряюще Виктор Николаевич. Очень хорошая, понимающая у него была улыбка. – А вот насчет украшений или мелких вещиц – все-таки посмотрите еще раз как следует.

Маша, разумеется, пообещала.

В свой отдел она шла в прекрасном настроении. Надо же, она так долго разговаривала с Ружевиным, и этот необыкновенный человек интересовался ее делами, расспрашивал о жизни! Юрка часто рассказывает о Викторе Николаевиче, они общаются почти вот как с Машей. Ружевику ему даже свою статью подарил с лестной надписью «Дружески...». Вообще он Юрку отличает.

А ведь действительно, какой этот Ружевиный обаятельный человек! Маша даже об иконе упомянула, а ведь не хотела о ней говорить. А если бы Ружевиный начал уговаривать сдать прабабушкину икону? Нет, не сдала бы. Да он и сам такую возможность отмел – очень тактичный, интеллигентный человек. Вот теперь и ей будет что рассказать. Тем более что сегодня вечером придут Якуб и Алеша – знакомиться. И Юрку она пригласила, для компании, чтобы не скучно было. С Алешей Юрка в хороших отношениях, вот пусть тоже посмотрит на Якуба.

Глава 7

В тот день Юра с утра отправился в архив. Это не только разрешалось, но даже поощрялось: старшие научные сотрудники обязаны были заниматься научной работой, для этого выделялся специальный день. Юра любил архив, ходил туда часто, не только в архивный день, но и в свои выходные. Даже специфический запах старых, залежавшихся документов его не раздражал. Иногда он думал, что, если бы не музей, он хотел бы работать в архиве.

Областной архив находился на западной окраине города, недалеко от древней Смядыни. Воздух в этом районе свежее, чем в центре, чувствуется близость Днепра. Здание было новым, читальный зал удобный, хоть и небольшой.

– Привет!

С Сашей Климентьевым из отдела древних актов они вместе учились. Юра уже искал свои папки среди отложенных на стеллаже. Обычно он сам их брал, сам приносил на стол Саше – ему разрешалось. В этой комнате на стеллаже лежали только уже отобранные документы, те, что сейчас в работе, их было обычно не много, стопок пять-десять.

– Подожди! – остановил его Саша.

Саша подошел к стеллажу, нашел нужные папки, принес и тщательно все расписал в Юрином формуляре. Был он непривычно хмур, смотрел куда-то вбок.

– Понимаешь, – ответил на не заданный вопрос, – у нас происшествие. Пропало одно из писем Мурзакевича.

– Как это могло случиться?

Юра от волнения чуть не уронил тяжелую стопку. Священник Никифор Мурзакевич был первым смоленским историком-краеведом, жил на стыке XVIII–XIX веков. Его «История города Смоленска», «Дневник» и даже некоторые письма изданы. Большую ценность представляют и неизданные письма, которые хранятся в архиве. Юра сам к ним не так давно обращался. Саша пожал плечами и отвел глаза.

– Понимаешь, эти документы последним брал ты.

Юра растерялся:

– Но я не брал. То есть брал, конечно, но все вернул.

Саша, опустив голову, перекладывал бумаги на столе – аккуратно, из одной стопки в другую. Потом принялся перекладывать обратно.

– Не знаю, что думать. Ружевиш заказал письма неделю назад, вчера пришел читать. Оказалось, что одного письма не хватает, кто-то изъяс. А перед этим он брал их три недели назад, и все было на месте! Последним, десять дней назад, брал ты. Может, все-таки ты забрал эти листочки – поработать дома?

Юра страшно покраснел. Что, Сашка его подозревает?

– Зачем? Можно ведь ксерокс сделать, – сказал он растерянно. – Домой я ничего не уносил! Мог кто-нибудь взять из папки, когда здесь никого не было. Кто-то, кто эти документы не выписывал.

Саша тоже покраснел.

– Я уже об этом думал. Но я здесь никого не оставляю, когда лежат документы. Кроме людей, которым доверяю безусловно, – тебя и Ружевиша.

Работать в архиве он в тот день так и не смог. В музей тоже не пошел. Скорее всего, Сашка все-таки оставил документы без присмотра, как иначе могли странички исчезнуть? Но Сашка, если и было, об этом случае прочно забыл, где искать концы – непонятно. Все нити ведут к нему. Он думал, что делать, но ничего придумать не мог. Безвыходная какая-то ситуация. Но думать и в безвыходной ситуации надо.

Ближе к вечеру он вспомнил, что Маша просила зайти, у нее родственник объявился из Польши. Оказывается, Машка принадлежит к древнему польскому роду. При этой мысли Юра, несмотря на собственные неприятности, усмехнулся: а ведь и правда есть в ней шляхетская гордыня. О неприятностях рассказывает неохотно, помощи не просит, вообще, очень независима. С Алешей Юра знаком – уже встречались у Маши и даже ездили этой зимой втроем в Катынь, где, скорее всего, похоронен Машин прадед. Теперь вот этот поляк. Интересно, что за родственник, неожиданно он как-то появился. Ни Маша, ни Алеша о родственниках в Польше не упоминали никогда.

Глава 8

Накануне Маша испекла печенье, приготовила все для бутербродов. Сейчас, придя с работы, быстро резала салаты. Буонапарте нисколько не помогал, только крутился под ногами. Колбасу и соленую рыбу ему давать нельзя, ветеринар строго-настрого запретил. Она положила ему в плюшку мяса.

Первым пришел, конечно, Алеша, он вообще человек пунктуальный. Маша его помнила, сколько себя знала. Разница в пять лет, конечно, ощущалась: Алеша ее опекал с детства, и она относилась к нему как к старшему. Он ведь ей и в самом деле дядя. Они, конечно, седьмая вода на киселе, но у обоих других кровных родственников нет. Перед посторонними называли друг друга двоюродными братом и сестрой – чтобы не объяснять долго. С Валея, Алешиной женой, Маша тоже дружила и была крестной его младшей дочки Кати, ей уже три года.

Сейчас Алеша пришел один, одет по-светски. Маша уже по телефону рассказала все, что знала о Якубе. Оказывается, Алеша от своей бабушки слышал: прадед действительно был из дворян, потому и арестовали.

Якуб явился почти сразу за ним. Пока хозяйка накрывала на стол, они беседовали вдвоем. Маша, бегая из кухни в комнату, прислушивалась: снова насчет склепа! Дался Якубу этот склеп. Никогда ни о каком склепе они не слышали. Алеша вон тоже говорит, что не слышал ничего такого. И во времена прадеда уже, конечно, склепа не было. И бабушка никогда ни о чем таком не рассказывала. Позвонили в дверь – Юрка пришел. Маша пошла открывать.

Юрка был какой-то сильно уставший, что ли, но не станешь же за общим столом расспрашивать. Говорили о предках. Якуб набрасывал историю рода Заславских-Куцинских. Юрка изредка вставлял замечания, он многое знал об истории и обычаях шляхетного дворянства. Алеша и Маша больше слушали. Буонапарте вообще в разговоре участия не принимал, тихо сидел у Алеши на коленях, очень довольный обществом: он любил гостей.

Потом снова зашла речь о родовом склепе Куцинских. Юра рассказал, что знал, о склепах Смоленска. Выходило, что ничего не сохранилось, нечего и искать. Ведь и старых кладбищ осталось всего три.

Говорили и просто о жизни. Маша поделилась впечатлениями сегодняшнего разговора с Ружевицем. Юра согласно покивал. Он-то Ружевица знал лучше других, считал своим учителем и всегда им восхищался.

Якуб рассказал о себе. Оказывается, он уже давно не живет в Польше. В конце 1980-х его семья переехала в США. Поначалу все складывалось хорошо: Якуб основал собственную небольшую фирму, занимался программированием. В кризис фирма обанкротилась, теперь он без работы. Жена ушла. С детьми отношения хорошие, они уже взрослые, живут своей жизнью.

– Жить все-таки можно, – заключил Якуб, улынувшись. – Времени свободного стало больше, занялся наконец историей рода, вот даже смог приехать.

Тут уже Маша с Алешей забеспокоились. В гостинице же очень дорого! Договорились, что Якуб прямо завтра переберется к Алеше. Его семья занимает полдома рядом с церковью, у них достаточно просторно, чтобы пригласить гостя, а готовит Валя прекрасно. Алеша тут же позвонил жене и сказал, что она тоже будет рада.

Юрка к концу вечера немного повеселел, но все равно был какой-то необычный, понурый. Может, с тетей поссорился? Маша подумала, что завтра надо обязательно найти возможность поговорить с ним наедине.

Когда со стола было убрано, она решила выполнить данное Ружевицу обещание – вспомнить, не осталось ли в доме еще каких-нибудь старых вещей или бабушкиных украшений. Впрочем, и так совершенно очевидно, что ничего ценного, хоть сколько-то годного для музея у них не было. Машина прабабушка, жена Антона Куцинского, была из простых, образования

не получила. Ребенком ее отдали в город в семью портного, а вообще она происходила из многодетной крестьянской семьи, достаточно, впрочем, обеспеченной. Счастье, что как кулаки не загремели. Но какие там украшения... Вышла прабабушка замуж за Антона в семнадцать лет. С прадедом они жили неплохо. Да ведь тогда, в 1930-е, неплохо считалось, когда еды хватало.

Но даже если и были у прабабушки какие-то украшения, они должны были пропасть в годы войны. Убегая из полыхающего Смоленска в июле 1941-го, она все бросила, только вот икону с собой забрала... Маша взяла в руки «Одигитрию», открыла уже знакомый тайник. Спокойно и строго смотрела на нее Богоматерь.

А ночью ей приснился тот же сон.

В комнате с низкими оконцами чернобородый мужик в крестьянской одежде стучит молотом по наковальне у открытого пылающего огня. Только теперь уже Маша не боится кузнеца. Вот он поднимет длинными щипцами железную завитушку, показывает ее Маше, улыбается...

Глава 9

Утром в подъезде на выщербленной лестнице она встретила с Ирой – соседкой сверху. – Подожди, Машка, – окликнула Ира. Догнала. – Кто это к тебе вчера приходил?

Вот ведь какая беспардонная. Всегда Ирка так, совершенно не стесняется лезть в чужую жизнь. Любопытная слишком.

– Ты же знаешь Алешу, да и Юрку, кажется, видела, – неохотно ответила Маша.

– Этих знаю, – кивнула Ирина. – А тот, что постарше, интересный такой, интеллигентный, сразу видно, не простой, кто?

Рассказывать долгую историю родства с Якубом не хотелось.

– Какая тебе разница? С Алешей его приятель зашел, приехал к нему вчера из Москвы. Да, постарше Алеши.

– Вчера из Москвы? Отца Алексея приятель? Но я в нашем подъезде его и раньше видела, без Алексея! – не поверила Ирка. – В тот день, когда тебя ограбили. Днем, еще я за ним в подъезд вошла. Но он не к тебе шел. Поднялся выше, на пятый или на четвертый. Я-то на третьем в свою квартиру зашла, а он дальше пошел.

– Тебе показалось, этот человек не был здесь раньше, – возразила Маша. А сама подумала: может, Якуб, прежде чем в музей к ней подойти, заходил сюда – думал ее дома найти? А наверх пошел, потому что квартиру не знал точно. Хотя почему не знал квартиру, если адрес узнал?

На работу Маша снова пришла рано, почти за полчаса. Тани с Аллочкой еще, конечно, не было. Владимир Олегович поощрительно улыбнулся из своего полукрытого закутка: он и сам просиживал на службе больше положенного, и любил, когда другие проявляли рвение. Хотя специально никого оставлять не заставлял и вообще был снисходительным. Маша, чтобы его не разочаровывать, даже не стала ставить чайник, а включила компьютер и углубилась в изучение сражения под Вязьмой.

– Мария, – неожиданно спросил шеф, он ко всем сотрудницам обращался по именам, – вы уже почти два года в музее. Как у вас с освоением фондов? Все ли вы сумели объяснить этому вчерашнему посетителю?

Маша засмеялась:

– Он об экспонатах вообще не спрашивал! Представляете, Владимир Олегович, он мой дальний родственник. По прадедушке еще – по тому самому, о котором в книге «По праву памяти» заметка, я вам о нем рассказывала. Жаль, что бабушка не дожила – ей было бы интересно, она отца хорошо помнила.

– Да, конечно, – вежливо протянул Владимир Олегович и больше ни о чем спрашивать не стал.

Как раз явилась Таня с зонтиком – дождь, оказывается, идет. Тема сменилась. Потом Маша начала пересказывать вчерашний разговор с Ружевиным, ведь это всего отдела касалось, не так часто Ружевиным к сотрудникам музея ВОВ лично обращается.

– Я ему об экспонатах, тех, что ты, Таня, из Ельни привезла, рассказала, – делилась Маша. – О каске той.

– А что это он вдруг именно к вам обратился? – ревниво поинтересовался заведомо.

Действительно, Маша была экскурсоводом, к фондам прямого отношения не имела.

– Просто так, наверное, – замялась она. – Встретил в коридоре и решил спросить.

О том, что она передала в фонды бумагу XIX века, рассказывать не хотелось. Собственно, это не секрет, в музее, наверное, и так все знают. Что в этом особенного? Бумажка какая-то, судя по всему, не очень важная.

Маша посмотрела в окно задумчиво:

– Ой, дождик закончился! Мне в Исторический нужно, отчет об экскурсиях отнести. Ей и в самом деле было нужно – поговорить с Юрой.

В Историческом сразу направилась к нему в отдел. В отделе были двое, Юрка и Татьяна Михайловна. Работали. Юрка уткнулся в свой компьютер, Татьяна Михайловна за своим столиком что-то читала. Поздоровалась с Машей и почти сразу встала и вышла. У Юрки было такое же выражение лица, как вчера, даже мрачнее. Маша вспомнила Достоевского: «опрокинутое лицо».

– Что случилось?

– Ничего. Кроме того, что меня объявили вором. Виктор Николаевич сегодня не ответил мне на приветствие – демонстративно отвернулся. Наверное, придется уйти из музея.

– Каким вором? Почему? А что у вас пропало? Из витрины вытащили? В каком зале?

И Юра рассказал ей все. С письмами Мурзакевича он работал в архиве много раз. Но, разумеется, ничего не выносил. Между тем все ниточки ведут к нему. С этими письмами последними работали он и Ружеви́ч. Можно себе представить, как неприятна эта ситуация Виктору Николаевичу! Ведь он так щепетилен, так дорожит своей безупречной репутацией! Юра сегодня хотел поговорить с ним, посоветоваться, объяснить. Но Ружеви́ч с негодованием отвернулся и прошел мимо. Юра больше для него не существует. И это было на глазах у других. Некоторые перестали с ним разговаривать после демонстративного поступка Виктора Николаевича. Придется уходить из музея. Наверное, лучше вообще уехать из города.

– Подожди, что ты такое говоришь? Почему все думают, что это ты? Какие доказательства?

– Доказательства только косвенные. Именно поэтому меня еще не посадили. Письмо Мурзакевича, между прочим, представляет большую материальную ценность. Видишь, как мне повезло? – Юрка криво усмехнулся.

– Но если ты сам уйдешь, все будут думать, что ты действительно виноват, – возмутилась Маша. – Нужно доказать, что это не ты! Убедить и Виктора Николаевича, и Сашу, и всех остальных, что ты не брал.

– Золотые слова. Еще бы знать как. – Усмешка получилась горькой. Он ей не верил – не верил, что можно все поправить.

Вернулась Татьяна Михайловна, и разговор пришлось прервать.

– До свиданья, Татьяна Михайловна! – Маша направилась к двери. И уже оттуда обернулась к Юре и сказала решительно: – Я к тебе вечером домой зайду!

Никогда она не позволяла себе так навязываться. Но сейчас Юрка не удивился. Кивнул, как будто так и надо. Нет, она его в таком состоянии не оставит. Нужно бороться! Вора нужно найти.

Весь день Маша думала о письме Мурзакевича. Кто мог его взять? Зачем? Его, наверное, можно продать. Но Маша не могла представить, чтобы кто-то из музейных мог украсть документ. О «Дневнике» Мурзакевича и о его письмах она много слышала, Юрка говорил о них неоднократно. Сама она, увы, ни письма, ни даже «Дневник» не читала. Знала в основном то, о чем Юрка рассказывал.

Август 1812 страшного года близился к концу. Основные силы французов ушли из города две недели назад, но легче не становилось. Оставшиеся бесчинствовали. Особенно отличился польский легион. Странно: они были убеждены, что это их город. И грабили! Грабежам сильно способствовали неурядицы в Великой армии. Солдаты и офицеры нервничали, злились: все складывалось не так.

Странная болезнь поразила лошадей и весь скот, сопровождавший армию для прокорма. Начался падеж. Ветеринары – ни французские, ни привлеченные русские – не могли понять, что это за болезнь. Возможно, европейский скот просто непривычен к российским кормам?

Попросту говоря, что русской короле хорошо, то французской – смерть. Армии не хватало съестных припасов, и купить было негде, здешние живущие в бедности крестьяне ничего не хотели продавать. Окрестные мужики за свое добро стояли насмерть. Взять у них что-либо силой не получалось, на уговоры они не поддавались. Начались убийства: мужики убивали французов, французы мужиков. Народ ожесточился. Одиночные убийства переросли в партизанскую войну.

Церкви грабили солдаты и даже офицеры. Иногда награбленное бросали потом на улице, оставляли только самое ценное. Дом отца Никифора тоже разграбили. Пока что удалось добиться у военного губернатора Жомини, что поставят караул возле собора. Отец Никифор написал прошение к губернатору на латинском языке, и караул поставили. Ежедневно он служил в соборе утром и вечером.

Несколько церквей уже разграбили. Одигитриевскую церковь, где служил до нападения французов, еле успел спасти. Каждый день ходил смотреть, заперты ли засовы. Однажды дверь оказалась распахнутой. Вовремя пришел отец Никифор. Увидел двух солдат, выходящих из церкви: один нес крест и серебряный оклад, второй – чашу для святых даров. Чашу он держал перевернутой, небрежно, в той же руке какой-то мешок с награбленным. Чаша была о мешок.

Сердце отца Никифора задрожало, как это увидел. Подскочил к мародеру, выхватил чашу. Завязалась драка. Мешали длинные полы рясы, однако аки лев с гривой растрепавшейся сражался отец Никифор. Противников было, слава богу, всего двое. Чашу и другие церковные ценности отец Никифор отстоял, но пронзенный шпорой левый бок с тех пор болел сильно.

Картины самоотверженной деятельности Никифора Мурзакевича в период оккупации Смоленска Маша помнила. Но кто же мог взять его письмо? У кого рука поднялась?

Глава 10

Дома у Юрки Маша бывала и раньше, даже дважды: один раз, когда диплом распечатавали, и второй, уже недавно, на дне рождения. Он жил на улице Бакунина, возле парка, в старом, довоенной постройки доме. Это была квартира его тетки – тети Лели.

Юркины родители жили в Десногорске, работали инженерами на атомной станции. Собственно, он и попал в Смоленск из-за тети Лели. Когда пришла пора поступать в университет, всей семьей думали куда – в Москву или в Смоленск. Дело решило то, что в Смоленске было где жить. Тетя Леля и Юра всегда хорошо друг друга понимали, он и раньше к ней приезжал. Она звала учиться в Смоленск. Он приехал и так здесь и остался.

Тетя Леля, Елена Семеновна Шварц, преподавала английский в Энергетическом институте. Даже выйдя на пенсию, она продолжала работать, правда, уже не на полную ставку. Она вообще была очень активной женщиной, темперамент такой. Половина города ходила у нее в друзьях: одноклассники, однокурсники, сослуживцы, соседи – тетя Леля со всеми успевала общаться. Еще она почти не пропускала концерты приезжих и местных артистов, часто бывала в театре, посещала выставки.

Замуж она выходила трижды и со всеми бывшими мужьями сохранила дружеские отношения. Но детей у Елены Семеновны не было, может, поэтому ей так хотелось, чтобы племянник был поближе. С Юрой они отлично ладили.

Квартира была довольно запущенной, требовала ремонта, но для двоих достаточно просторная – трехкомнатная. Когда-то здесь жили Юрины бабушка с бабушкой, детство его мамы тоже прошло здесь. Но уже давно тетя Леля жила одна. В доме довоенной постройки с толстыми стенами все комнаты были отдельными. На свободу племянника Елена Семеновна не посягала, даже когда он был студентом, просила только, чтобы звонил, если задерживается. Юра и сейчас выполнял это требование неукоснительно. По вечерам, если оба были дома, долго ужинали, пили чай, беседовали. Тетя Леля очень гордилась научными достижениями племянника, его немногочисленные пока статьи она внимательно прочитывала и складывала на отдельную полочку.

Маше открыла Елена Семеновна. Сегодня она была непривычно озабоченной, конечно, уже знала о Юриных неприятностях. Приходу Маши нисколько не удивилась: естественно, в такой ситуации друзья должны приходить, поддерживать.

А вот Юрка был на себя не похож, сидел как в воду опущенный. Оказывается, Маше было известно не все. Во второй половине дня его вызвал директор и предложил написать заявление по собственному желанию.

– Мы не можем держать в музее сотрудника, который способен разворовать фонды! – сказал он. – В музее хранятся большие материальные ценности. – Ружевич сидел там же, в кабинете директора, и сверлил его ненавидящим взглядом. Объясняться было невозможно. – С завтрашнего дня можете не приходить! – подвел черту директор.

Насколько Маша понимала, едва ли не больше потери работы Юру подкосило отношение Ружевича. Да он и сам об этом сказал:

– Понимаешь, ужаснее всего, что Виктор Николаевич сразу поверил. Ведь мы с ним уже пять лет знакомы и, да, почти дружили. Во всяком случае, он меня другом называл много раз, а я его, конечно, считал учителем, но и другом. И он сразу поверил, что я мог украсть из архива ценные документы! Ради денег, надо полагать? Он смотрел на меня с таким презрением! Как он мог сразу поверить? И все поверили. И директор поверил.

– Юра, забудь! Сейчас надо делом заниматься, а не переживать. Мы докажем, что это не ты. И я знаю как: мы найдем вора.

Маша понимала, почему он так расклеился. Рушилась вся жизнь. Смоленск – город небольшой. В музее, в университете – всюду его будут считать вором. Нужно обязательно доказать его невиновность!

– Идите чай пить, – позвала Елена Семеновна. – Я в большой комнате стол накрыла.

За чаем все решили и составили план действий. Рассуждали все вместе. Начал Юра. Он думал о пропавшем письме непрерывно уже второй день.

– Не совсем понятны даже мотивы похищения. Из всех писем, а их там девять, пропало только одно. Почему выбрали именно его? Продажа письма не единственный возможный мотив. Что было в этом письме, какие записи, о чем? Если бы узнать его содержание, можно было бы точнее строить предположения о мотивах.

– Но это легко узнать. – Маша пожала плечами. – Нужно посмотреть в архиве, какого письма не хватает. Ведь ты их все, наверное, хорошо помнишь. Конспектировал даже.

Юрка невесело усмехнулся:

– Да меня теперь и в архив не пустят!

– А меня пустят. – Она тряхнула головой. – Пойду и посмотрю, завтра же.

– Завтра не получится. В архиве надо заранее заказывать, хотя бы за два дня.

С этим вопросом было решено. Если все пойдет по плану, они узнают, что было в пропавшем письме. Хорошо бы еще выяснить, кто, кроме Юры и Ружеви́ча, имел к нему доступ. Здесь начала Маша:

– Письма Мурзакевича, насколько я понимаю, последними брали ты и Ружеви́ч. Выходит, как ни крути, все указывает на вас?

– На меня, – мрачно остановил ее Юра. – Ружеви́ч не мог, это всем ясно.

– Для нас ясно, что и ты не мог, – встала тетя Леля.

– Да, – поддержала ее Маша, – ни ты, ни Ружеви́ч не могли. Значит, был кто-то третий. А кто мог взять так, что в формуляре не отмечено?

– Никто. Если ты имеешь в виду сотрудников архива, то это совершенно невероятно. Это так же невероятно, как мы с Ружеви́чем, даже больше. На мой взгляд, мог взять кто-то из посетителей, когда Сашка отвернулся. Но вообще странно все: нужно было знать, в какой папке искать, какие листы. Неужели кто-то из музея? Нет, я не уверен, что мы найдем вора. Совершенно непонятно, кто мог это сделать. Или схватили листки наугад, не зная, что это? Тогда это какой-то ненормальный.

– Но, Юра, – возразила Маша, – здесь есть зацепка. В архиве бывает не так уж много людей. И мы точно знаем, когда произошла кража – между тем днем, когда ты работал с этой папкой последний раз, и тем, когда ее заказал Ружеви́ч. Кто был за это время, установить легко.

– Да, я уже думал об этом, – кивнул Юрка. – Ружеви́ч пришел читать письма и обнаружил пропажу листов три дня назад. А я последний раз их читал за десять дней до этого, и все было на месте. Значит, украли между 7 июля и 17-м. Скорее всего, конечно, в последнюю неделю, когда письма уже лежали на полке. Ружеви́чу их приготовили за неделю до его прихода, так Сашка сказал. В архиве есть учет посетителей. Но Сашка на эту тему и говорить не хочет.

– Я попробую выяснить насчет посетителей, – включилась Елена Семеновна. – Кто этот Сашка? Он ведь меня не знает?

– Не знает, он у нас дома никогда не был, – подтвердил Юра.

Повод был невеселый, но посидели в этот вечер все-таки хорошо. Чай пили долго. Домашнее печенье у Елены Семеновны на случай чаепития было припасено всегда. Потом Юрка еще сбегал за пирожными в ближайший магазин. Похоронное выражение с его лица ушло. Тетя Леля и Маша уже этим были довольны. А на следующий день события стали развиваться с бешеной скоростью.

Глава 11

У Саши Климентьева третий день настроение было хуже некуда. Очень неприятная история с письмом Мурзакевича. И дело не только в том, что он несет ответственность за пропажу. Как Юрка мог? Саша до конца не верил, что это Юрка, в голове не укладывалось. Но кроме него никому. Странная история.

В читальном зале людей не было: лето, жарко, кому охота в архиве сидеть. Но это и к лучшему. Саша занимался своими делами, изучал документы. Где-то через час пришла немолодая дама. Вполне приличная, слегка полноватая, что для ее возраста естественно; платье легкое голубое, волосы стриженные. Плюхнулась на стул, обмахиваясь газетой. И вместо того, чтобы делать заказ, завела какой-то странный и, что хуже всего, длинный разговор.

Неделю назад у нее пропал муж. «Вы, возможно, видели объявления на столбах?» Да таких объявлений полно, все не упомнишь. В полицию, конечно, дама заявила, но почти не надеется, что найдут. Ищет параллельно сама.

Муж ее был вполне адекватным, ни Альцгеймера, ни склероза, ничего такого. Изредка только у него проявлялись какие-то странности. Тут дама замялась: «Понимаете, он в прошлом учитель истории...» В общем, пропавший муж любил читать историческую литературу. Конечно, почитывал, что в местной прессе писали о кладках.

Месяца за два до исчезновения он стал уж слишком часто упоминать наполеоновский клад. Напирал на то, что в архиве, конечно, имеются указания, где его искать. Дама слушала мужа вполуха, под аккомпанемент сериалов, в рассуждения о кладе и архиве не вникала. Теперь, после пропажи мужа, она горько сожалеет о своей невнимательности. По ее словам, скорее всего, его исчезновение связано с поисками кладки.

Саша устало вздохнул:

– От меня-то вы чего хотите? Нет в архиве указаний о кладе, и мужа вашего я никогда не видел.

– А вот это не скажите! – встрепенулась дама. – Он, скорее всего, приходил в архив. – Здесь она сделала паузу, положила на стол свою газету и прижала руки к груди. – Помогите, молодой человек, пожалуйста, помогите! Я надеюсь, что он еще жив, что его можно найти!

Саша совсем опечалился. Что с этой пожилой теткой делать? Как он ей может помочь?

– Поверьте, я не помню вашего мужа, – начал он осторожно. – У нас довольно много посетителей. – Дама удивленно подняла голову и обвела глазами пустой зал. – Я не могу помнить всех.

– Но неужели вы не записываете? Не может быть, чтобы в таком серьезном учреждении... – оживилась она. – Муж отсутствует неделю. Естественно, на всякий случай нужны данные за две недели: он мог приходить и раньше, не все он мне, конечно, рассказывал. – Она представила, как он приходил сюда, и совсем закручинилась. – Если мы установим, что он посещал архив, смотрел определенные документы, это может дать направление поискам! А если мой муж погибнет... В каких он сейчас условиях, что с ним – я подумать не могу без слез... – Дама действительно достала из сумки платочек и вытерла глаза. – Если он погибнет, виноваты будете вы!

Саша вздохнул и, порывшись в своем столе, достал список заказов на архивные документы.

– Как фамилия вашего мужа?

– Смирнов. Павел Петрович Смирнов.

Нет, такую фамилию он, конечно, мог не запомнить. Саша протянул даме список:

– Вот, посмотрите сами. – И под впечатлением недавней пропажи добавил: – Прямо здесь читайте, в зал не уносите.

Дама устроилась за столиком у окна, не спеша открыла сумочку, достала очки, аккуратно спрятала футляр и углубилась в чтение. Раскрытую сумочку она держала на коленях.

Конечно, своего мужа она в списке не нашла, хотя читала внимательно, долго, водила по строчкам пальцем. Впрочем, возвращая список, она не выглядела слишком опечаленной.

От архива домой путь неблизкий. Елена Семеновна еще зашла на рынок купить ягод. Лето проходит, надо Юрку подкармливать, нервные затраты у него сейчас большие. До дома добралась уже к обеду, пришлось идти по жаре. Дома было прохладно, хорошо, что здание старое, с толстыми стенами... Юра сидел за компьютером, что-то строчил.

Прежде чем рассматривать список, пообедали. Юра рассказал, что звонил в газету, где его иногда печатают, попросился в штат. На ставку пока не взяли, но в качестве внештатного корреспондента поддерживать обещают.

Главной темой был ее поход в архив. Елена Семеновна описала его в красках, с юмором. Пригодились ее актерские способности: в молодости Леля играла в драмкружке и мечтала стать актрисой. Юрка даже развеселился, когда она принялась показывать, как вытягивалась Сашкина физиономия по ходу истории о пропавшем муже.

После обеда стали рассматривать список. Она сфотографировала его на мобильный телефон – успела достать из сумочки, когда Сашка отвернулся. Юра перевел фото в компьютер, там лучше видно. Почти всех он знал. Не так много людей в Смоленске интересуется краеведением, и совсем уж мало желающих тащиться в архив летом, в жару.

В основном это были сотрудники музея. Вот и Машкин шеф здесь, что вполне естественно: Владимир Олегович серьезно изучает не только свой период, а вообще историю войн на Смоленщине. Конечно, и Татьяна Михайловна, и другие из их отдела отметились – понятно, сейчас же новую экспозицию начали готовить.

Стоп, а это кто? Якуб Заславский. Это же Машин родственник! Приходил в архив совсем недавно, за день до того, как Ружевич сообщил о пропаже. Заказывал, судя по записи, материалы о кладбищах Смоленска. Но письма Мурзакевича в этот день уже лежали на стеллаже.

Неужели Якуб? Вряд ли, конечно. Интересуется человек кладбищами, какой в этом криминал? Хотя все-таки довольно странное увлечение. И уж слишком внезапно он появился в Смоленске. Никаких других неожиданностей список не принес. Всего две фамилии Юре были не знакомы, остальные – хорошо известные ему сотрудники музея. В краже документа заподозрить этих людей трудно.

Кто же взял письмо? Пока список мало что прояснил. Надо будет те две незнакомые фамилии посмотреть для начала хоть в Интернете. И насчет Якуба Заславского обязательно завтра поговорить с Машей. Тем более завтра она идет в архив – если все получится, они будут знать, какие именно записи пропали. Вдруг это и работу со списком облегчит.

Глава 12

Маше как экскурсоводу день для работы в архиве не полагался, поэтому она взяла отгул. Несколько дней переработки у нее были: у Тани с Аллочкой часто болели дети, приходилось заменять.

Саша Климентьев ее если и помнил, то не очень хорошо. В студенческие годы, конечно, видел, но они учились на разных факультетах, а теперь в архив Маша ходила редко, раза два всего за год. Охота еще отгулы тратить.

Словом, отсутствие близкого знакомства на этот раз оказалось кстати. Саша ее приходу не удивился. А что читать будет письма Мурзакевича – тоже понятно, музейный работник все-таки.

Маша устроилась в читальном зале. Хороший в архиве читальный зал: небольшой, но светлый, на первом этаже, цветочки под окнами. Она открыла папку. Разным людям писал Никифор Мурзакевич. Много вспоминал.

В тяжелых испытаниях прошел август. 2 сентября французы праздновали взятие Москвы. Господи, помилуй! Сентябрь облегчения не принес – великие несчастья терзали смоленские земли и в сентябре 1812-го. Земли эти были опустошены, обескровлены. Мужики стали прятаться в леса и болота, оказывать сопротивление мародерам. Началась партизанская война. Однако было достаточно таких мужиков, которых и их хозяева, русские помещики, боялись. Со времен пугачевщины прошло всего ничего – 37 лет.

Небогатый помещик Павел Иванович Энгельгардт, подполковник в отставке, проживал в своем сельце Дягилево Поречского уезда. У него было всего 77 крепостных крестьян. Четверо крепостных – возможно, должников его (заемные обязательства, воспользовавшись смутой, крестьяне порвали) – донесли на него французам. Сочинили, что убивает французских мародеров и крепостных своих склоняет к этому. На его земле действительно нашли закопанными двоих французских солдат. Однако это убийство могли совершить и сами крестьяне, как часто бывало. Скорее всего, донос был ложный. Завоевателей Павел Иванович, конечно, не любил, а мародеров тем более, но партизаном не был. Тем не менее по доносу его арестовали. Предлагали перейти на службу в Великую армию, сражаться против русских, давали чин полковника. Энгельгардт отказался и был приговорен к смертной казни. По его просьбе к нему позвали отца Никифора Мурзакевича – исповедовать и причастить перед смертью.

Казнили Энгельгардта возле Молоховских ворот. Смерть ему досталась нелегкая. Вначале прострелили ногу. Снова стали уговаривать перейти во французскую армию. Энгельгардт решительно отказался. Потом ранили в грудь и в живот – он все еще жил. И тогда добились выстрелом в голову.

Никифор Мурзакевич, как ни тяжело сам переживал, сколько мог облегчил последние минуты героя. Был при нем до конца: по просьбе осужденного и до места казни его проводил, и панихиду отслужил – просил на это дозволения у французов. Дозволили.

Жители, оставшиеся в городе, голодали. Питались кое-как яблоками, а потом и картошка пошла. Хлеба не было.

Отец Никифор осунулся, похудел. Он сильно сдал, когда одна за другой от недоедания и болезней умерли его мать, две дочери и воспитанница. Душа болела за близких, однако пустоты в ней, как тогда, после смерти жены, не было. Нужно было заботиться об оставшихся детях. Нужно было заботиться и о церквях. Он постоянно хлопотал за церкви, сам кидался защищать церковное имущество, если видел грабежи. Однако за всем уследить было невозможно.

Большинство церквей и монастырей разоряли грабители. Солдаты, приставленные по просьбе Мурзакевича для охраны собора, спали на амвоне, костер для приготовления пищи разжигали на мозаичном полу. Долго пришлось упрашивать, чтобы часового ставили снаружи. Потом сам военный губернатор Жомини вознамерился устроить в Успенском соборе хлебный склад. С трудом удалось отсрочить исполнение приказа. Не один раз бывал отец Никифор жестоко избит, защищая церковное имущество от мародеров.

Маша переписала номера страниц и адресатов писем. На всякий случай записала, о чем каждое, – Юрке будет легче определить, чего не хватает. Сдала папку.

К ним домой она пошла вечером. Собрались под низким абажуром в большой комнате, как ее называла тетя Леля. Тетя Леля Заславского никогда не видела, но слушала с интересом. Узнав о Якубе, Маша ахнула. Какой загадочный этот новый родственник! Вот зачем его в архив понесло? И ведь не говорил ничего.

А какого числа это было? Посчитали дни, сверились с календарем – оказалось, что Заславский ходил в архив за день до того, как подошел в музей к Маше. Тогда понятно хотя бы, что не рассказывал о походе в архив: не знакомы еще были, а ко времени знакомства новость устарела. Юрка был уверен, что это, скорее всего, не Якуб.

А вот Маша совсем не была так уверена. Вот и Ира, соседка, говорит, будто видела его в подъезде в день кражи. Ира, конечно, могла ошибиться, ее словам веры нет. Другое настаивает: почему он так заиклен на склепе Куцинских? Он осматривает только кладбища, причем исключительно старинные, хочет найти следы этого родового захоронения. А могилы относительно недавние его совершенно не интересуют. Даже на Машино предложение съездить в Катюнь, где прадед похоронен, ответил неопределенно. Город и музей она тоже хотела ему показать – ответил, что позже. Даже поездку в Талашкино³ отложил.

Все трое рассмеялись: они уже устали возить гостей в Талашкино. Нет, странно ведет себя Якуб. Решили, что Маша постарается с ним поговорить. Может, Алеша сможет что-то подсказать, все-таки Якуб живет у него уже два дня.

Домой она пришла поздно. Буонапарте ждал около двери. Занятая Юркиными делами, Маша и Буника забросила, и родственникам уже два дня не звонила. Завтра вторник, в музей выходной, она обязательно съездит к Алеше. И с Якубом заодно поговорит, расспросит осторожно, зачем он ходил в архив.

Звонить не стала, поздно, дети, наверное, спят. Утром, все утром.

---

³ Талашкино – бывшее имение меценатки Марии Тенишевой, один из центров русской художественной жизни конца XIX – начала XX в.

Глава 13

Алешина семья жила рядом с церковью Михаила Архангела (Свирской), где он служил. Это одна из старейших церквей Смоленска, построена в XII веке.

Свирская слобода – очень старый район. Теперь-то это окраина с преимущественно деревянными домиками, приднепровское подножие Смоленских холмов. Центр – вверху, на холмах, а здесь за домиками сразу начинаются заливные луга.

Когда-то жизнь в этих местах кипела. Здесь проходил путь из варяг в греки, по нынешнему лугу протекала речка Смядынь, приток Днепра. Смядынь была судоходной, как и Днепр. Где-то здесь на пристани смолили лодки. А в начале XII века здесь же, на месте гибели князя Глеба от руки киевского князя Святополка Окаянного, построили Борисоглебский монастырь.

Незловивый, не претендующий на престол Глеб проплывал в лодке мимо Смоленска. Сделал остановку у пристани, и на том закончилось его путешествие – убили князя по наущению Окаянного. Бориса, его любимого брата, лишили жизни еще раньше в Переславле. Похоронены Борис и Глеб в Киеве. Здесь же, на месте убийства Глеба, возник колодец, рядом поставили деревянную церковь. Потом и монастырь образовался. Говорят, и колодец считался целебным, и в Свирской церкви происходили чудеса.

Рядом с церковью находился тогда княжеский дворец. Улица, соединявшая эту равнинную местность с центральным холмом, кипела жизнью. Здесь селились ремесленники. Иногда западное предместье даже называли вторым городом.

Сейчас это рядовая окраина Смоленска. Монастыря нет уже несколько веков. Маша отправилась туда рано утром. Недолгий путь на маршрутке – и вот она, Свирская церковь. Стоит на пологом холме, возвышается над деревянными домиками. Так, наверное, и раньше было.

Маша опоздала на литургию, остановилась у входа. Народу немного, день будний. Сама Маша в церковь ходила редко, но службу слушать любила.

Она подождала, пока Алеша закончит разговор с прихожанкой, и подошла к нему. Домик священника рядом. Дети, Катя и Боря, играли во дворе. Маше обрадовались, затормошили, когда она их снова поведет в музей или в кукольный театр. Маша пообещала. Свой отдел Великой Отечественной войны она им в мае уже показывала, а вот в Исторический сводить надо – там им еще интереснее будет, там даже чучело динозавра есть. Уже и Катя достаточно большая, понимает все, можно теперь водить всюду.

– В кукольный театр попадем не раньше октября, – предупредила Маша. – Театр летом на гастролях.

Матушку Валентину застали у плиты. Она тоже Маше обрадовалась. Они хорошо друг друга понимали при всем несходстве. Маша уважала Валю за домовитость, а Валентина, будучи старше на три года, ее опекала, правда, старалась делать это незаметно, знала, что Маше не понравится. На вопрос о Якубе Валя ответила, что он утром выпил кофе и ушел – почти сразу за Алешей, еще до восьми. Сказал, что поедет посмотреть Окопное кладбище, одно из старейших в городе. Отсутствие Якуба Машу огорчило. Она рассчитывала его застать, из-за него, собственно, приехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.